

Виорэль ЛОМОВ

СЕРДЦЕ БРОЙЛЕРА

Драма для чтения без героя*

12. Семейное счастье.

— Ты очень ласковый, — только и сказала Настя. — Я дурею от твоих рук.

А потом она возилась с едой и пела вполголоса «Белой акации гроздья душистые невозвратимы, как юность моя». Этот романс Евгений слышал недавно по радио. Настин голос завораживал. Что за женщину подарил мне Господь, думал он. За какие такие мои заслуги? Или женщины достаются не по заслугам?

— Я ничего не хочу вспоминать, я ни о чем не хочу думать, меня не интересует будущее, — то и дело повторял Евгений.

Настя слушала его блаженные речи, улыбалась, а через неделю сказала:

— Если нас не интересует будущее — мы ему не нужны. Нам с тобой, Женечка, диссертации надо делать. Тебе кандидатскую, мне докторскую...

— А детей? — растерянно спросил Суэтин. — Их когда делать?

— В перерыве! — расхохоталась Настя.

Счастье банально.

Точно так же, как есть гроздья бананов, банановые сады или рощи, банановые республики, где каждый может сорвать банан и наслаждаться им или утолять голод, так есть и гроздья банальностей, леса и рощи банальностей, республики банальностей, где каждый может сорвать любую банальность, сказать ее, сделать и жить, получая от жизни наслаждение и утоляя голод

* Окончание. Начало в № 5.

жизни. Из банальностей состоит жизнь. Как это: родился, сделал первый шаг — сделал первый шаг к смерти; король умер — да здравствует король. И на них прочнее, чем дом на сваях, чем земля на китах, чем Вселенная в эфире, держится мир.

Влюбленные теряют под ногами землю и теряют представление о времени, потому что они не владеют им. Они и собой-то не владеют. Они напоминают фигурки, которые передвигают на доске пространства и времени боги.

Любовь это капкан богов.

13. Смуглянка-молдаванка.

Когда сын, без ее ведома, укатил с Настей на юг, а она тут с ума два дня сходила, так как Гурьянов тоже ничего не знал (весь в отца!), а потом прислал телеграмму, что он в Коктебеле, Анна Петровна тут же взяла и покатила в противоположную сторону — на север. За мужем.

— Каждому свое... Каждому свое... — твердила она всю дорогу. — Тебе семью. И мне семью. Тебе юг. И мне север. Ты за женой. И мне за мужем. Тебе молодуху. И мне старика.

А все-таки он молодец, в меня, была у нее за чаем и такая радостная мысль. Взял девку, со свадьбы уволок! Нет, каждому свое, каждому свое... Раз мать не нужна, может, хоть жена пригодится? Впрочем, одна уже в отсев пошла!

Перед самым Брянском Анна Петровна вдруг опомнилась, встрепенулась — что же я делаю! Только из-за того, что сын с ее дочкой на юг уехал? Только из-за этого? Так же нельзя! Ведь Настя умница!

Но поезд остановился, надо было выходить.

Анна Петровна спустилась на перрон. Расспросила, как проехать в Дятьковский район. Автобус будет теперь только через три с половиной часа, сказал диспетчер. Анна Петровна уже пожалела, что скоропалительно

выехала из дома, не дав телеграммы, так бы хоть на машине встретили. Исправлять что-либо было уже поздно, и она по фронтовой привычке пошла голосовать на грейдер. «Зилок» докатил ее по пыльной неровной дороге до места, а шофер, который тоже от Дона дошел до Дуная, не взял с нее ни копейки.

Тяжелое чувство и нерешительность, охватившие было Анну Петровну в поезде, оставили ее в тряской поездке, напомнившей о фронтовых дорогах, и она уверенно и быстро нашла дом Аверьяновых. Вон пригорок, клен, дом под шифером, шест для флага... На заборе проветривались валенки, треух, перина, ватные штаны. Отворила хорошо подогнанную калитку, зашла во двор, крикнула:

— Есть кто?

Никто не отозвался. По утопанному двору, повизгивая, носились два тугих пятнистых поросенка да бегали серые цыплята, похожие на хулиганов. На поваленном плетне сушились нарезанные яблоки. В них копошились воробьи, звенели мухи.

Анна Петровна поднялась на рассохшееся крыльцо. Дверь была приоткрыта. Навстречу вышла кошка, хвост трубой, скользнула по ноге и стала, поводя плечами и задом, готовиться к атаке на воробьев. Хорошо собаки нет, подумала Анна Петровна. Ну, Господи благослови, — она зашла в дом.

В чулане на огромном сундуке с металлическими уголками и крест-накрест полосками из жести было свалено барахло. От него несло затхлостью и мышами.

— Хозяева!

Анна Петровна прошла в комнату, не такую душную, как чулан, пронизанную косыми лучами солнца. Это был зал. На столе со скатеркой стояла швейная машинка. В углу, наверху этажерки, телевизор накрыт кружевной салфеткой. Налево из смежной комнаты слышалось сиплое дыхание.